

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-46>

УДК 81.42

ВЕКТОРЫ ЭКЗОГЕННЫХ ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ (на материале произведений И.С. Тургенева)

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Два фундаментально важных феномена человеческого бытия, язык и культура, постоянно взаимодействуя, в то же время подвергаются многообразным влияниям извне. Как правило, таким веяниям обычно и совершенно добровольно поддается верхняя страта социума – не просто и не только как модному поветрию, но и как средству дополнительной и недвусмысленной дифференциации общества, четкого отграничения аристократии от плебса.

Наиболее резонансным и долговременным внешним влиянием на русское дворянство была галломания XVIII–XIX вв., выразившаяся и в предпочтении французского языка родному, и в усвоении французского этикета и модных вкусов, и, наконец, в принятии аксиологических ориентиров. Все это нашло широкое отражение в нашей литературной классике. Однако почти синхронно имело место английское влияние, особенно с начала XIX в. Англomania русских аристократов была сравнительно не столь заметна, тем более что она находила воплощение в несколько иных формах. Об этом свидетельствуют и литературно-художественные произведения отечественных писателей.

В статье рассматривается ряд текстов И.С. Тургенева, хорошо представлявшего реалии общества своего времени, в частности его верхушки. Приводятся многочисленные примеры двух доминирующих тенденций, галломании и англomanии, в речевом поведении и быту персонажей-дворян.

Анализ информативного материала позволяет сделать вывод о наличии в XIX в. двух доминантных экзогенных лингвосоциокультурных векторов, находившихся в ситуации комплементарности. Их совокупность выполняла функцию непреодолимого барьера между высшей и низшей стратами русского общества, что имело для него самые негативные последствия.

Ключевые слова: *язык и культура, социальная стратификация, галломания, англomanия, русская классическая литература.*

Постановка проблемы. Проблемы языка и культуры постоянно привлекают внимание специалистов, обычно (и справедливо) учитывающих как сложность каждого из этих фундаментальных для социума феноменов, так и многомерность взаимонаправленных связей между ними. Следует иметь в виду также, что соответствующие процессы и их результаты обнаруживаются в первом случае в эволюциях языковых единиц (прежде всего лексических) и их групп, во втором – воплощаются в артефактах и их совокупностях, объединяемых по какому-либо определенному признаку. Такие тенденции могут находить крайнее выражение в замещении родного языка экзогенным, что обычно сопровождается радикальной заменой традиционных предметов одежды и быта

(и, конечно, манеры повседневного поведения и этикета) чужестранными заимствованиями. Конечно, подобные поветрия охватывают далеко не весь этносоциум, но, как правило, его привилегированную страту, испытывающую в том числе потребность в возможно более радикальном отграничении от черни. В данном случае не касаемся вопроса о причинах большей притягательности «чужого» сравнительно со «своим», поскольку он заслуживает особого изучения, причем разноаспектного, и вовсе не сводится к объяснению некоей модой или вкусом; они, как известно, внедряются и насаждаются в чьих-то интересах. Предполагается рассмотреть лишь отражение результатов иноземных влияний в двух важных сферах общественного бытия: речевой коммуникации и оформления персонального экстерьера (отчасти также и манер поведения). Обе они предоставляют индивидууму возможность для самовыражения, будучи, однако, подчиненными обычно каким-то социально-групповым стандартам.

В качестве фактического материала обратимся к некоторым произведениям И.С. Тургенева. Они информативны для изучения вышеуказанных явлений по ряду причин. Великий русский писатель по происхождению, воспитанию, образованию, материальному положению принадлежал к верхней страте современного ему общества и хорошо знал и его реалии, и его представителей, и их вкусы и умонастроения. Причем Тургенев относился к ним довольно объективно, то есть в должной степени критично, и сумел талантливо облечь свои наблюдения и суждения в литературно-художественные тексты (далее примеры из них приводятся в хронологическом порядке публикаций).

Цель исследования – анализ текстов И.С. Тургенева, представляющих собой многочисленные примеры двух доминирующих тенденций, галломании и англomanии, в речевом поведении и быту персонажей-дворян.

* * *

Обзор литературы. Предварительно отметим, что если о галломании русского дворянства хорошо известно из произведений ряда отечественных писателей XVIII столетия (Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин, Я.Б. Княжнин и др.), то английское влияние обретает отражение в более поздних сочинениях.

Один из первых российских литературных англоманов – это, по всей видимости, упоминаемый Репетиловым персонаж: «...князь Григорий!! Чудак единственный! нас со смеху морит! Век с англичанами, вся английская складка, И так же он сквозь зубы говорит, И так же коротко обстрижен для порядка» (Грибоедов, 1964, с. 103).

Другой – пушкинский Григорий Иванович Муромский: «Этот был настоящий русский барин <...>. Развел он английский сад <...>. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе» (Пушкин, 1978, т. 6, с. 99). Ближайший же его сосед-помещик, Берестов, у которого «ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера <...> не мог равнодушно говорить об англomanии своего соседа и поминутно находил случай его критиковать <...>. Англоман

выносил критику <...> нетерпеливо. Он бесился и прозвал своего зоила медведем и провинциалом» (Пушкин, 1978, т. 6, с. 100). Небезынтересно, однако, что при всем англоязычном воспитании дочь Муромского Лиза (хотя ее отец как «образованный европеец» вставляет в свою речь англоязычные фрагменты – вроде «my dear» (Пушкин, 1978, т. 6, с. 108–109]) и при первой «официальной» встрече с Алексеем «говорила <...> только по-французски» (Пушкин, 1978, т. 6, с. 111), и в конце повести обращается к нему же только по-французски (несмотря на понятный эмоциональный всплеск: «Mais laissez – moi donc, monsieur; mais êtes – vous fou?» (Пушкин, 1978, т. 6, с. 115) – (фр.: «Оставьте же меня, сударь; с ума вы сошли?»)). Таким образом, в речевом общении, быту и хозяйственной деятельности «настоящий русский барин» очевидно (притом в полном согласии с «нововведениями») отдает предпочтение английским образцам, но в сравнении с укоренившимися уже французскими они явно поверхностны.

Ведь и Евгения Онегина сначала воспитывала Madame, затем «Monsieur l'Abbé, француз убогой» (Пушкин, 1978, т. 5, с. 9), и их воспитанник «по-французски совершенно мог изъясняться и писал» (Там же), но внешне он копирует уже не петиметра-парижанина, а «как dandy лондонский одет» (Там же) (кстати: «Одежда дэнди, несмотря на внешнюю простоту и неброскость, была очень дорога» [Кибалова и др., 1988, с. 256]).

* * *

XVIII и отчасти XIX вв. – время безусловной монополии французского языка в качестве средства общения на международной арене. В этот период, судя по относительно недавним свидетельствам, «французы <...> лелеяли надежду, что их утонченный язык – любимец аристократии и дворянства Европы, орудие мировой дипломатии – станет главным средством общения всего просвещенного человечества» [Свадост, 1968, с. 156]; XVIII в. нередко даже именовали «веком всеобщности французского языка» [Кузнецов, 1990, с. 291].

В свою очередь, коренные обладатели английского не оставляли попыток конкуренции на рынке языков. Это соперничество гротескно запечатлено в описании взаимного высокомерия лилипутов и блефускуанцев (пародия на тогдашнее соперничество Англии и Франции): «...Каждая из этих наций гордится древностью, красотой и выразительностью своего языка, относясь с явным презрением к языку своего соседа» (Свифт, 1989, с. 54).

Разумеется, такая состязательность имела своей движущей силой вовсе не надуманные лингвистические характеристики, а совсем другие катализирующие факторы. Упомянем лишь отдельные из них.

Указанный период характеризуется, в частности, возникновением гигантских колониальных империй, в каждой из которых воцаряются языки метрополий. Экономике Англии и Франции соревнуются друг с другом в росте производительности и возможностях сбыта продукции, причем первой из стран удается существенно обгонять вторую за счет внутригосударственных трансформаций и обезземеливания крестьянства, вынужденного перетекать в промышлен-

ность в качестве рабочей силы. Вполне естественно, что для Наполеона уже с начала его правления «непримиримая, ожесточенная война с Англией – это <...> в конце концов и защита интересов французской промышленности от британской конкуренции» [Манфред, 1986, с. 366]. Впрочем, англичане к тому моменту явно первенствуют в экономической гонке, и французам достается невыгодная позиция страны, где технический переворот запоздал.

Однако и XVIII в., и начало XIX – эра галломании, властвовавшей в верхних слоях западноевропейских государств [Биржакова, 1981, с. 102–106] и захватившей также и Россию в лице ее правящего класса.

Это, конечно, сразу замечали сторонние наблюдатели – вроде антирусски резонерствовавших барышень-путешественниц, англоирландок К. и М. Вильмот, в общем справедливо пишущих о постыдной франкофилии местных аристократов [Вильмот, 1987, с. 263, 292 и др.]. В то же время К. Вильмот сетует по поводу недостаточности в Москве благородного английского влияния: «Они с предубеждением относятся к британцам, в отличие от галлов... Вообще английскую нацию уважают, но ее обычаи неизвестны, по-английски почти не говорят, английские моды не любят» [Вильмот, 1987, с. 304]. Вероятно, вскользь проявившийся здесь «шовинистический английский патриотизм» (Толстой, 1983, т. 15, с. 299) помещал увидеть на русской почве ростки тенденций, уже давших всходы на Западе и пробивавшихся в России.

Об этом упоминают, в частности, специалисты по истории моды. В их несколько сбивчивом исследовании говорится, например: «Ее [Англии] вкус, организация и мода в XVIII веке стали образцом, которым восхищались все европейские государства. Это точно выражается и в названии моды 1780 года: а ля англэз (à l'anglais). В то время можно говорить об англomanии, захватившей и великосветскую Францию» [Кибалова и др., 1988, с. 223]. Причем «бесспорно, что Англия была наиболее удачлива в области мужской моды. Ее творцами были лорды, артисты и дэнди» [Там же].

По-видимому, и английское влияние на русское дворянство все же было, но не столь резонансное, как французское, и материализовалось оно несколько в иных формах. Собственно, об этом и свидетельствует ряд произведений И.С. Тургенева.

Результаты исследования. Отец персонажа романа «Дворянское гнездо» (1859 г., действие происходит в 1842 г.), посещавший «английские клубы обеих столиц», «заботился об его воспитании: Владимир Николаич говорил по-французски прекрасно, по-английски хорошо, по-немецки дурно» и «скоро понял тайну светской науки, <...> танцевал отлично, одевался по-английски» (Тургенев, 1954, т. 2, с. 148–149).

Отец Лаврецкого, который «так был образован, так хорошо говорил по-французски, с парижским выговором <...>, надел новый английский синий фрак», а некоторое время спустя «получил место при русской миссии в Лондоне» (Тургенев, 1954, т. 2, с. 167–170). В результате «Иван Петрович вернулся [из Парижа] в Россию англоманом. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное

жабо, долгополый гороховый сюртук со множеством воротничков, кислое выражение лица, что-то резкое и вместе равнодушное в обращении, произношение сквозь зубы, деревянный внезапный хохот, отсутствие улыбки, исключительно политический и политико-экономический разговор, страсть к кровавым ростбифам и портвейну – все в нем так и веяло Великобританией; весь он казался пропитан ее духом» (Тургенев, 1954, т. 2, с. 174). Однако (возможно, вследствие победы России в Отечественной войне) «чудное дело! превратившись в англомана, Иван Петрович стал в то же время патриотом, по крайней мере он называл себя патриотом, хотя Россию знал плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: в обыкновенной беседе речь его <...> вся пестрела галлицизмами» (Тургенев, 1954, т. 2, с. 174). Своего сына он «одел по-шотландски» – при этом «писал ему наставления по-французски» (Тургенев, 1954, т. 2, с. 177–178). Когда же Федор Иванович, уже будучи взрослым, «принялся опять за собственное, по его мнению недоконченное, воспитание», то «приступил даже к изучению английского языка» (Тургенев, 1954, т. 2, с. 187).

Павел Петрович Кирсанов, которому уделено столько внимания в романе «Отцы и дети» (1861 г., время действия – 1859 г.), изображается, казалось бы, как воплощение типичнейшего русского англомана. Его приверженность ко всему английскому проявляется и в одежде (при своем первом появлении он одет «в темный английский *сьют*» [англ. a suit – «костюм»]) (Тургенев, 1954, т. 3, с. 179), и в манере поведения («совершив предварительно европейское *shake hands*» [англ. «рукопожатие»]) (Там же), и в круге чтения («держал в руках последний номер *Galignani* [прим.: «ежедневная либеральная газета „Galignani’s Messenger” („Вестник Галиньяни”)], издавалась в Париже на английском языке») (Тургенев, 1954, т. 3, с. 182). По-видимому, обращение в англomанию произошло у Павла Петровича отчасти и вследствие его малоудачного романа, и, может быть, потому, что он «вступал в то смутное время <...>, когда молодость прошла, а старость еще не настала» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 195); и вот, поселившись у брата в деревне, «он стал читать, все больше по-английски; он вообще всю жизнь свою устроил на английский вкус» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 196). Он хвалит английскую аристократию, приводя ее в качестве образца: «Вспомните, милостивый государь <...>, английских аристократов. Они не уступают йоты от прав своих, и потому они уважают права других; они требуют исполнения обязанностей в отношении к ним, и потому они сами исполняют *свои* обязанности» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 212). Павел Петрович даже в качестве вымышленного для брата предлога дуэли с Базаровым говорит, что «господин Базаров непочтительно отозвался о сэре Роберте Пиле» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 324), а при прощании с родственниками «проломвил с глубоким вздохом: «Будьте счастливы, друзья мои! Farewell!» Этот английский хвостик прошел незамеченным...» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 367). Более того: в конце концов Павел Петрович «остался на жительство в Дрездене, где знает больше с англичанами и с проезжими русскими. С англичанами он держится просто, почти скромно, но не без достоинства; они находят его немного

скучным, но уважают в нем совершенного джентльмена, «a perfect gentleman» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 368) (кстати, и в сцене дуэли автор – кажется, иронически – именует его «раненый джентльмен»).

С другой стороны, мы узнаем из текста, что в молодости Кирсанов-старший «прочел всего пять-шесть французских книг» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 192) и что в повседневном общении – прежде всего, с братом – то и дело употребляет французские слова и выражения (например, (Тургенев, 1954, т. 3, с. 180, 187, 198, 212, 217, 219, 306, 325, 331 и др.)), в том числе и пресловутые «принципы» «выговаривал <...> мягко, на французский манер» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 187), но иногда использует их и в диалогах с Базаровым, в том числе и перед дуэлью: «A bon entendeur, salut!» [фр. «Имеющий уши да слышит!»], получив в ответ реплику: «...Но почему же не посмеяться и не соединить *utile dulci* [лат. «полезное с приятным»]? Так-то: вы мне по-французски, а я вам по латыни» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 321).

Еще одна интересная деталь: находясь уже в Дрездене, Павел Петрович «придерживается славянофильских воззрений: известно, что в высшем свете это считается *tres distingué* [фр. «весьма почтенным»]. Он ничего русского не читает, но на письменном столе у него находится серебряная пепельница в виде мужицкого лаптя» (Тургенев, 1954, т. 3, с. 369).

Роман «Дым» (1867 г., действие относится к 1862 г.) начинается с развернутого острогротескового описания баден-баденского общества «наших любезных соотечественников и соотечественниц», среди которых – и «светские молодые львы с превосходнейшими проборами на затылках, с прекрасными висячими бакенбардами, одетые в настоящие лондонские костюмы» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 8–10). Среди них выделяется компания «молодых генералов, особ высшего общества и с значительным весом» – «Литвинов тотчас признал их за русских, хотя они все говорили по-французски... потому что они говорили по-французски» – хотя изредка вставляют в разговор малозначительные английские реплики, вроде: «I say, Valérien, give me some fire», или: «What a sad dog you are, Bóris» («он самое имя «Борис» произнес на английский лад») (Тургенев, 1954, т. 4, с. 62–63). Впрочем, более об английском влиянии в тексте ничего не говорится, кроме упоминания о «дог-карте», которым правит князь М., «известный спортсмен и охотник до английских экипажей и лошадей» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 114).

Одним из значительных персонажей романа «Новь» (1877 г., действие разворачивается в 1868 г.) является «известный Сипягин, камергер, в некотором роде общественный столп, будущий министр» – «изящный мужчина» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 204, 211). Его русскоязычные монологи – пример не только нормированной русской речи, но и риторического мастерства; ср.: «Сипягин говорил без малейшей запинки: как мед по маслу, катилась его круглая, плавная речь» – и: «Постепенно возвышаясь, Сипягин достиг, наконец, истинного красноречия» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 209, 243). Однако в разговорах со «своими» (женой, камер-юнкером Калломейцевым, губернатором) нередко употребляет французские фразы (Тургенев, 1954, т. 4, с. 347, 348, 351, 355, 370, 433, 435, 449).

При этом весьма многочисленны детали описания внешности и быта Сипягина, свидетельствующие о его обыденных вкусовых предпочтениях. Так, у него «на английский манер висячие бакены»; голову он причесывает «на английский фасон, в две щетки»; его письмо пропитано «не духами – фи! – а какой-то необычайно приличной английской вонью»; у него «пренеудобный и безобразный шотландский дорожный картуз», «он опирался на английскую бамбуковую трость», а рука его облечена «в желтую английскую перчатку из собачьей кожи» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 208, 232, 345, 229, 238, 439) (да и в одной из комнат его дома – «звонкий английский замок» – с. 437).

Кроме того, произнося «спич» (ср. англ. speech), Сипягин, «наподобие Роберта Пиля, закладывал руку за фалду фрака», и, по его мнению, «Адам Смит – одно из светил человеческой мысли»; Калломейцеву «он дал сильный английский shakehands, „в раскачку“ – словно в колокол позвонил», а в своем имении вел себя «вовсе не как важный чиновник или сановник, а как добрый русский country-gentleman» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 243, 250, 229, 239).

В общем, униженный Сипягиным «мизерный и тщедушный» Паклин имеет достаточно оснований для мысленной квалификации «будущего министра»: «...Будет тебе ломаться, английская морда!» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 434).

Кстати, когда Сипягину приходится по необходимости общаться с простлюдинами, он «не преминул щегольнуть некоторыми изречениями, долженствовавшими доказать, что он и сам – не только русский человек, но „русак“ и близко знаком с самой сутью народной жизни! <...> И все эти поговорки и изречения Сипягин произносил каким-то особенным, здоровенным, даже сипловатым голосом...» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 362–363).

Во многом близкий ему Калломейцев также произносит французские реплики – а «одет он на самый лучший английский манер» (Тургенев, 1955, т. 4, с. 220). Любопытно, между прочим, что этот персонаж дифференцирует якобы разные отечественные языки по функционально-стилевым критериям: «...Я признаю язык российский, язык указов и постановлений правительственных; я дорожу его чистотою! Перед Карамзиным я склоняюсь!.. Но русский, так сказать, ежедневный язык... разве он существует?» (Тургенев, 1954, т. 4, с. 224).

Наконец, в некоторых повестях разных лет встречаются отдельные указания на инонационально ориентированные предпочтения персонажей, однако они касаются, как правило, лишь их внешности.

Так, в повести «Бретер» (1847 г., завязка истории относится примерно к 1809 г.) Ненила Макарьевна, жена помещика «средней руки», «сама заказывала ему платье и наряжала его по-английски, как оно и прилично помещику» (Тургенев, 1954, т. 5, с. 42–43); в повести «Три портрета» (1846 г.) упоминается «весьма благообразный дворецкий <...>, одетый по-английски» (Тургенев, 1954, т. 5, с. 88); в повести «Два приятеля» (1854 г., время действия – 184* г.) один из главных персонажей «Вязовнин был довольно высокого роста, худ, белокур и смахивал на англичанина»; «с него достаточно было куриной котлетки или двух яичек

всмятку с маслом и какой-нибудь английской приправы в хитроустроенном и патентованном сосуде, за которую платил он большие деньги и которую втайне находил отвратительною, хотя и уверял, что без нее ничего в рот взять не может»; описанная здесь же «ловкая дама» Заднепровская «винцо <...> попивала порядком, причем замечала, что в Англии все дамы употребляют вино, а здесь и это почитается неприличным» – она же «сама протянула им [гостям-помещикам] руку для английского shakehands» (Тургенев, 1954, т. 5, с. 343, 346, 352, 358).

* * *

Выводы. Вышеприведенные беллетристические иллюстрации в совокупности могут служить наглядными примерами выражений универсальных семиотических оппозиций (см. [Иванов, Топоров, 1965; Леви-Строс, 1983; Элиаде, 2000] и мн. др.).

Вместе с тем они не сводимы целиком к четким парным противопоставлениям, поскольку в их компонентах присутствуют черты, вносящие некий дисбаланс: «Бинарность и асимметрия являются обязательными законами построения реальной семиотической системы. Бинарность, однако, следует понимать как принцип, который реализуется как множественность» [Лотман, 1996, с. 164].

Действительно, здесь наглядно выступает сложная многоступенчатость пропорции 'свой'/'чужой' = 'хороший'/'плохой', предопределяемая как широким разнообразием вербальной конкретизации каждой из составляющих, так и ее вариативно-оценочного понимания.

Налицо галломания русской высшей страты описываемого периода, укоренившаяся в XVIII в. и охватывающая обширный диапазон социокультурных явлений: от использования французского языка в качестве основного средства речевой коммуникации – и до превратно понятого «просвещения» включительно. «Люди считали несчастьем быть русскими и <...> утешались только мыслью, что хотя тела их родились в России, но души принадлежали короне французской» [Ключевский, 1990, IX, с. 37–38]. Конечно же, это влекло за собой самые печальные последствия для государства в целом [Там же].

Однако при этом не столь заметно, но уверенно в той же дворянской среде присутствовал вектор англomanии. Он реализовался преимущественно на обиходно-бытовом уровне, благодаря добротному качеству изделий британской промышленности – тканей и проч., модным поветриям в одежде и этикетных манерах поведения¹; соответствующая же с точки зрения происхождения идеология воспринималась несомненно более сдержанно.

Таким образом, в предпочтениях русских дворян сосуществовали и взаимно переплетались две генеральные доминирующие тенденции – и обе иноземные, в равной степени чуждые народным массам.

¹ Небезынтересно заметить, что привычное сегодня устойчивое словосочетание *уйти по-английски* в значении 'уйти, не прощаясь', еще в первой половине XIX в. было ориентировано на этнически иной источник; ср.: «Он, закрыв глаза, поклонился и à la français [фр. «на французский манер»] вышел из залы» [Толстой, 1980, т. V, с. 175].

Иначе говоря, отчасти конкурировавшие между собой векторы галломании и англomании суммарно являлись амбивалентно воспринимаемым компонентом оппозиции, в которой экзогенные элементы (включая язык) ощущались их носителями как 'свой', но для всех прочих были 'чужими'. Одновременно высшая страта отторгала автохтонные язык и культуру, считая их 'чужими', а большинство населения страны совершенно естественно оценивала их как 'свой'.

Если к тому же учитывать, что после Елизаветы Петровны собственно русских монархов более не было до окончания самодержавия в России, и благодаря кадровой политике престола начальствующие должности заполнялись инородцами (в основном немцами), то закономерно, что властители и подданные находились в состоянии радикальной взаимной изоляции.

Подобные проблемы актуальны и сегодня, на фоне лозунгов консолидации и патриотизма. И в этом аспекте русская классика поучительна. Вот, например, англoman Лаврецкий-старший «стал патриотом, по крайней мере он называл себя патриотом», но в его поместье «все осталось по-старому, только оброк кой-где прибавился, да барщина стала потяжелее, да мужикам запретили обращаться прямо к Ивану Петровичу: патриот очень уж презирал своих сограждан» (Тургенев, 1954, т. 2, с. 174–175).

Список источников

1. Грибоедов А.С. Горе от ума. М., 1964. С. 3–122.
2. Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 6. С. 99–115.
3. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 5–164.
4. Свифт Дж. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей. М., 1989. 352 с.
5. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1980. Т. 5. 429 с.
6. Толстой Л.Н. О Шекспире и о драме // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 258–314.
7. Тургенев И.С. Бретер // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 5. С. 37–85.
8. Тургенев И.С. Два приятеля // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 5. С. 342–418.
9. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 2. С. 139–307.
10. Тургенев И.С. Дым // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 4. С. 7–187.
11. Тургенев И.С. Новь // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 4. С. 191–477.
12. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 3. С. 167–369.
13. Тургенев И.С. Три портрета // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 5. С. 86–115.

Библиографический список

1. Биржакова Е.Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 96–129.
2. Вильмот М., Вильмот К. Письма из России // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 209–426.
3. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М., 1965. 248 с.

4. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1988. 608 с.
5. Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 28–55.
6. Кузнецов С.Н. Международные языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
7. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. 536 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. 464 с.
9. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1986. 735 с.
10. Свадост Э.П. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968. 287 с.
11. Элиаде М. Избранные сочинения. М., 2000. 414 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

VECTORS OF EXOGENOUS LINGUISTIC AND SOCIOCULTURAL INFLUENCES (on the material of I.S. Turgenev's works)

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Two fundamentally important phenomena of human existence, language and culture, are constantly interacting at the same time being subjected to various influences from outside. As a rule, such developments usually and completely voluntarily succumb to the upper strata of the society – not just and not only as the order of the day, but also as a means of additional and unambiguous differentiation of society, clear separation of aristocracy from plebs.

The most resonant and long-term external influence on the Russian nobility was the Gallomania of the 18th–19th centuries, expressed both in the preference of the French language to the native language, and in the learning of the French etiquette and fashion tastes, and finally in the adoption of axiological guidelines. All this was widely reflected in our literary classic. However, almost synchronously there was English influence, especially since the beginning of the 19th century. The Anglomania of Russian aristocrats was relatively not so visible, especially since it found embodiment in slightly different forms. This is also evidenced by the literary and artistic works of Russian writers.

The article considers a number of texts by I.S. Turgenev, who well presented the realities of the society of his time, in particular – its top classes. Numerous examples of two dominant tendencies, gallomania and anglomania, in speech behavior and the household of noble characters are given.

The analysis of informative material makes it possible to conclude that in the 19th century there were two dominant exogenous linguistic and sociocultural vectors which complemented one another. Their combination served as an insurmountable barrier between the higher and lower strata of the Russian society that had the most negative consequences for the latter.

Keywords: *language and culture, social stratification, gallomania, anglomania, Russian classical literature.*

Spisok istochnikov

1. Griboedov A.S. Gore ot uma. M., 1964. S. 3–122.
2. Pushkin A.S. Baryshnya-krest'yanka // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1978. T. 6. S. 99–115.
3. Pushkin A.S. Evgenij Onegin // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1978. T. 5. S. 5–164.
4. Swift Dzh. Puteshestviya v nekotorye otdalennye strany sveta Lemyuelya Gullivera, snachala hirurga, a potom kapitana neskol'kih korablej. M., 1989. 352 s.
5. Tolstoj L.N. Vojna i mir // Tolstoj L.N. Sobr. soch.: v 22 t. M., 1980. T. 5. 429 s.
6. Tolstoj L.N. O Shekspire i o drame // Tolstoj L.N. Sobr. soch.: v 22 t. M., 1983. T. 15. S. 258–314.
7. Turgenev I.S. Bretyor // Turgenev I.S. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1954. T. 5. S. 37–85.
8. Turgenev I.S. Dva priyatelya // Turgenev I.S. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1954. T. 5. S. 342–418.
9. Turgenev I.S. Dvoryanskoe gnezdo // Turgenev I.S. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1954. T. 2. S. 139–307.
10. Turgenev I.S. Dym // Turgenev I.S. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1954. T. 4. S. 7–187.
11. Turgenev I.S. Nov' // Turgenev I.S. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1954. T. 4. S. 191–477.
12. Turgenev I.S. Otcy i deti // Turgenev I.S. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1954. T. 3. S. 167–369.
13. Turgenev I.S. Tri portreta // Turgenev I.S. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1954. T. 5. S. 86–115.

References

1. Birzhakova E.E. Shchegoli i shchegol'skoj zhargon v ruskoj komedii XVIII veka // Yazyk russkih pisatelej XVIII veka [Dandies and dandified jargon in Russian Comedy of the XVIII century In Language of Russian writers of the XVIII century]. L., 1981. S. 96–129.
2. Vil'mot M., Vil'mot K. Pis'ma iz Rossii // Dashkova E.R. Zapiski. Pis'ma sester M. i K. Vil'mot iz Rossii [Letters from Russia In Dashkova E. R. Notes. Letters from the sisters M. and K. Wilmot from Russia]. M., 1987. S. 209–426.
3. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V.N. Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (drevnij period) [Slavic language modeling semiotic systems (ancient period)]. M., 1965. 248 s.
4. Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M. Illyustrirovannaya enciklopediya mody [Illustrated encyclopedia of fashion]. Praga, 1988. 608 s.
5. Klyuchevskij V.O. Vospominanie o N.I. Novikove i ego vremeni // Klyuchevskij V.O. Sochineniya: v 9 t. [Remembrance of N. I. Novikov and his time In Klyuchevsky V. O. Essays in 9 vol. 9]. M., 1990. T. 9. S. 28–55.
6. Kuznecov S.N. Mezhdunarodnye yazyki // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [International languages In Linguistic encyclopedic dictionary]. M., 1990.
7. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. M., 1983. 536 s.
8. Lotman Y.M. Vnutri myslyashchih mirov [Inside the thinking worlds]. M., 1996. 464 s.
9. Manfred A.Z. Napoleon Bonapart [Napoleon Bonaparte]. M., 1986. 735 s.
10. Svadost E.P. Kak vzniknet vseobshchij yazyk? [How will there be a universal language?]. M., 1968. 287 s.
11. Eliade M. Izbrannye sochineniya [Selected writings]. M., 2000. 414 s.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Post-Doctoral Degree in Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: vasileva@kspu.ru